

В начале августа 1942 года мы отступали сначала в донских, а потом в прикубанских степях. Жара стояла сухая и ломкая. Грозы все отгремели в июле. Тогда шли ливни, грязи было по колено, а мы лежали на оборонительном рубеже у Ростова. Теперь Ростов взяли немцы, мы катились и катились на юго-восток. Но прикрывая организованный отход частей Южного и Северо-Кавказского фронтов, то и дело контратаковали. Те же самые позиции контратаковали, которые еще вчера были нашими, подготовленными для обороны, и на которых остатки беспорядочно текущих в тылы разбитых воинских подразделений не смогли удержаться. Вот так и на Маныче была линия обороны 102-й стрелковой дивизии 37-й армии генерал-майора Козлова, была, да вся вышла. Как и 102-я дивизия. О эта магия слов! Дивизия! А раз дивизия, то получай по пехотному уставу десять километров фронта. А в дивизии триста штыков. Две роты – вот и вся твоя дивизия. Немытые, неутые, беспатронные. Да их сбить хватило бы и одного румынского батальона. А на них катится танковая дивизия СС «Викинг». Дивизия на дивизию. Все по-честному.

У немцев тоже такое бывало. Под Москвой, зимой 1941-го, когда в ротах оставалось по пять человек. Мы взяли в плен гауптмана, он командовал полком. Ему приказали силами своего полка контратаковать наш танковый полк, занявший разъезд. А у гауптма-

на в полку сорок семь полумертвых обмороженных гренадеров. Вот и весь полк. Однако приказали, он исполнил приказ. До танкового полка он, правда, добраться не смог. Мы в боевом охранении стояли. Тридцать пять убили. Двенадцать взяли в плен. Своих вообще никого не потеряли. На войне все очень странно происходит. И есть две войны, я это давно понял: одна война та, в которой большие начальники в штабах рисуют на картах стрелки. У них полки, батальоны, дивизии, бригады. А другая война та, в которой на земле убивают друг друга люди. Одни называются батальоном, а другие корпусом, но не всякий корпус сильнее батальона. Они там, в штабах, вроде бы и знают, сколько живых штыков. Знают, но не очень об этом думают. Дивизия, говорят.

Видели мы эту дивизию. 102-ю стрелковую.

На рассвете под прикрытием утреннего тумана мы, вместе с казаками из 17-го кавалерийского корпуса, вместе с остатками 102-й дивизии, контратаковали позиции немцев у Маныча и достигли тактического успеха, выбив немцев из траншей. На самом деле мы понимали, что нас встретило всего лишь боевое охранение, а дивизия ушла куда-то на Сальск. Если они развернутся или пришлют самолеты или другая часть пойдет, то мы не удержимся. А удержимся – так попадем в окружение. Потому что дымы боев, как черные стяги ада, реяли уже далеко за нашими спинами.

Спрыгнул в траншею и увидел сержанта Литвинова из своей разведроты. Сержант своим намоленным трофейным ножом вскрыл банку тушенки и с того же ножа ел. Я вспомнил, как полчаса назад в двух шагах от меня Литвинов заколол худого немца в очках. Немец замешкался, меня обойму. Сержант прыгнул к нему, сильным ударом правой руки вогнал лезвие между ребрами, сделал широкое вращательное движение рукояткой, расширяя рану, и вынул нож. Кровь хлынула, Литвинов оттолкнул немца ногой и побежал дальше.

Я посмотрел на нож. Меня передернуло. Литвинов заметил судорогу моих плеч. Сказал:

– Да что такого? Я же обтер.

Протянул мне банку.

– На, поешь.

Я покачал головой. Присел на деревянный ящик из-под гранат. Приставил рядом с собой к стене траншеи винтовку. Достал папиросы и закурил.

– Не могу понять, как ты, Литвинов, вот так спокойно жрешь. С того же ножа, которым только что убил человека. Ты, Литвинов, наверняка садист. Хорошо, что сейчас война. А в мирной жизни кем бы ты был? Преступником?

Литвинов поднял указательный палец левой руки и сказал:

– Но-но, сержант Хасуев! Во-первых, не человека. А немецко-фашистского врага. Во-вторых, человека прирезать ничуть не сложнее, чем кабана. Иногда кабана сложнее. Вот ты, Хасуев, резал свиней?

– Я мусульманин. Нам свиней нельзя.

Литвинов рассмеялся.

– Какой же ты мусульманин? Когда ты коммунист. Я вздохнул.

– У нас все так. И коммунисты. И мусульмане.

– Что, и молятся?

Я ответил уклончиво.

– Кто как. По-разному. Но свинину никто не ест.

– Это зря. Свиное мясо самое вкусное. Нежное. И, если подумать, сало. Где же еще взять сало, если не от свиньи? А без сала какая жизнь? Но вопрос не в том. Ты же вроде не городской. Если не свиней, то коров, наверное, резал. Баранов?

Я вспомнил дядю Ахмеда, к которому наша семья всегда стыдливо приводила скот на забой. У нас никто, включая моего отца, не мог даже курицу зарезать. Ничего не ответил.

Литвинов доел тушенку, обтер нож о промасленные и забрызганные кровью форменные штаны, спрятал в ножны, подвешенные к ремню. Выпил чего-то из фляжки. Судя по всему, не воды. Уселся поудоб-

нее. Видимо, сержанта тянуло поговорить.

– У меня был хряк. Звали его Тимофей. С именем у хряка произошла поучительная история. Сначала я назвал его Навуходоносор. Хотел похвастаться, что я умный, грамотный, книги читаю и знаю много слов. Ну, значит, откармливаю я кабанчика. Но не станешь же всякий раз кликать животное Навуходоносором? Я сокращенно, Оська. Он стал понимать имя, отзываться. А мне потом жена сказала, что Ося – это уменьшительное имя от Иосифа. Ну и, сам понимаешь. Я чуть не умер от страха. Вовремя сказала. Можно сказать, спасла меня. Пришлось срочно переименовывать. Как можно непохожее. Назвал Тимофеем. Кабанчик сначала удивлялся. А потом и к новому имени привык. Вообще, я думаю, что слов они не понимают. Но откликаются на звук твоего голоса и на разные настроения. И потому понимают человеческую речь. Не дословно, но общий смысл вполне. Сделали мы ему, Тимофею, операцию, колхозный специалист делал. В общем, отрезали причиндалы. Стал он мягкий, ласковый. Меня очень любил. Вырос с теленка, а бегал за мной по станице, как пес. С руки ел. Хрюкал. А как радовался, как радовался, как только меня увидит! Я его и не запирали даже, он на крыльце спал, чтобы, значит, как только я выйду на баз, первым меня увидеть. Но пришло время. Я мог бы отдать его мяснику живым. Но это было бы нечестно. Так я бы его предал. В чужие руки. Как Иуда Христа. Я почувствовал, что должен сам это сделать. А свиньи, они очень умные. Мне кажется, он загодя все понял. Когда я разложил инструменты. Он подошел ко мне, приласкался. И смотрит, глаза в глаза. И я читаю, в глазах: давай, Петр. Если такая моя судьба. Только сделай это сам. И... постарайся... чтобы... чтобы не очень больно...

Литвинов заплакал. Две чистые, прозрачные слезинки текли по его грязным, в пыли и копоти, щекам, прокладывая дорожки, оставляя петляющие следы.

– Я все время, пока его убивал, смотрел ему в глаза. И обнимал голову. А он так... доверчиво. А потом, чувствую, умер. Слили кровь на кровяную колбасу. А дальше я разделять не стал. Так, тушей продал. Налоги заплатил. И кровь продал. Не смог бы я ни крошки из Тимофея съесть.

Литвинов плеснул из фляги спиртом на свои ладони, протер ладони, вытер лицо. Продезинфицировался. Успокоился. И ровным тоном продолжил:

– Вот ты, Хасуев, говоришь, человек. Иного человека проще убить, чем хряка. Мне Тимофей был

Не могу понять, как ты, Литвинов, вот так спокойно жрешь. С того же ножа, которым только что убил человека. Ты, Литвинов, наверняка садист. Хорошо, что сейчас война. А в мирной жизни кем бы ты был?

как друг. Как брат. Родной как. Хоть и свинья. А этот немец, он мне кто? Да я его в первый раз вижу. Никто он мне. Если бы надо было сожрать его сердце, я бы вынул и сожрал. А что такого? Сожрал бы. Если бы была от этого какая-то польза. Тимофея не смог. А этого запросто. Жил он там где-то в своей Баварии. Не брат мне, не сват, не кум, я о нем ни сном ни духом. Теперь лежит, как мешок дерьма. И мне не жалко. А тебе что, жалко?

- Не жалко. Мне противно, что ты с того же ножа ешь.
- Ну извиняйте. Приборов столового серебра не подавали.
- Ладно. Просто... помой.
- Ладно. Помою.

Я выкурил уже две папиросы. В голове слегка шумело, то ли от табака, то ли от недосыпа, то ли от недавнего боя. Литвинов спросил:

- А вот ты сегодня сколько убил?
- Семнадцать.

Литвинов захохотал.

- И кто из нас двоих прирожденный убийца?
- Ты не путай. Тут совсем другое дело. Я большей частью убиваю как: смотрю в прицел. Там какое-то шевеление. Определяю, где, например, голова. Щелк – в голове дырка. Я вообще не уверен, что это живые люди. Может, это какие-то куклы. Может, у них вместо головы арбуз. Стреляешь – и летит во все стороны красная мякоть. Мы в детстве так делали. У меня была мелкашка, я бахчу охранял. От птиц, животных, от лихих людей тоже. Арбузы на терских песках растут, но

маленькие арбузы, не такие, как астраханские, а размером с голову ребенка. Так что я постоянно стрелял. Там и навык наработался. Но я даже в атаке, как сегодня, стреляю.

- А в рукопашную что, душка не хватает?
- Пару раз бился. Если очень надо, могу. Но мне не нравится. Сегодня я на нейтралке за сто метров до траншеи прилег. Туман быстро рассеялся. Немцы выскакивали, как зайцы. Я шелк, шелк, шелк. Так семнадцать и нащелкал. Литвинов вздохнул озабоченно.
- Я всего трех.
- На двоих мы с тобой ухайдакали два десятка. Если бы все так воевали, войны бы на три дня не хватило!
- Ох, не торопись хвастаться, Хасуев. В другой день мы с тобой можем лечь в списке безвозвратных потерь, совершенно никого с собой на тот свет не прихватив. Например, от артиллерийского обстрела или под бомбежкой.

И словно накаркал. В небе появились немецкие самолеты. Сначала зависла «рама». А потом четырнадцать, кажется, «юнкерсов». Я в самолетах не очень разбирался. Но самолеты пролетели дальше. Видно, штурмовать переправы.

Мы не понимали, где в наших позициях фронт, а где тыл. Смотрели в обе стороны. Через пару часов появились три танка и пять бронетранспортеров с пехотой. Мы открыли ружейно-пулеметный огонь, пули цвиркали по бортам немецких машин. Немцы атаковать наши позиции не стали, развернулись и ушли на юго-восток. Оборона наша не имела никакого значения, противник навел переправы через Маныч севернее, шли через переправы танки и мотопехота, устремлялись в глубокий прорыв, преследуя наши войска до самой Кубани.

Дождавшись ночи, мы и сами ушли. В суматохе и беспорядке проскользнули мимо наступающих немцев и к утру были у штаба 37-й армии. От армии, кроме штаба, почти ничего не осталось.

Сержанта Литвинова убили в начале осени, в коротком рукопашном бою. А меня через неделю под Моздоком, то ли снайпер, то ли случайная пуля в висок.

